

10. Михайлова О. В. Когнітивно-граматичні особливості простого речення в давньоанглійській мові // Вісн. ХНУ ім. В. Н. Каразіна. 2007. №. 773. С. 55–58.
11. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. С. 81–82.
12. Попова З. Д. Способы вербализации концептов как проблема когнитивной лингвистики // *Respectus Philologicus*. Issue 16(21). 2009. P. 56–61.
13. Селиверстова О. Н. Семантический анализ экзистенциальных и possessивных конструкций в английском языке // Категория бытия и обладания в языке / отв. ред. В. Н. Ярцева. М., 1977. С. 12–17.
14. Стернин И. А., Розенфельд М. Я. Слово и образ: монография / под ред. И. А. Стернина. Воронеж: «Истоки», 2008. 243 с.
15. Структурный синтаксис английского языка / под ред. проф. Л. Л. Иофик. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972. 175 с.
16. Фесенко Т. А. Этноментальный мир человека: опыт концептуального моделирования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Сектор психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания РАН. М., 1999. 52 с.
17. Фурс Л. А. Синтаксически репрезентируемые концепты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2004. С. 12–13.
18. Шевченко И. С. Концептуальный анализ предложения: онтологические схемы // Культура народов Причерноморья. 2007. № 110. Т. 102. С. 320–322.
19. Croft W. Some contributions of typology to cognitive linguistics, and vice versa / W. Croft // *Cognitive linguistics: Foundations, scope and methodology* / Ed. by T. Janssen & G. Redecker. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1999. P. 61–93.
20. Fillmore Ch. The Case for Case // *Universals in Linguistic Theory* / ed. by E. Bach and R. Tarns. New York; London; Toronto, 1968. P. 1–88.
21. Goldberg A. E. *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. Chicago; London: University of Chicago Press, 1995. 265 p.
22. Talmy L. *Lexicalization patterns: Semantic structures in lexical forms* // *Language typology and syntactic description*. V. 3. T. Shopen (Ed.). Cambridge: CUP, 1985. P. 57–149.

УДК 82.01 (082.2)

Штайн Клара Эрновна, Петренко Денис Иванович

К ВОПРОСУ О МЕТАПОЭТИКЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

Статья посвящена изучению метапоэтики социалистического реализма – сложного дискурса, связанного с официальной идеологией тоталитарного государства. Рассматриваются метапоэтика неприятия коммунистической идеологии и полного ее игнорирования, метапоэтика принятия коммунистической идеологии и перекодирования теоретических посылок на идеологические, метапоэтика романтического восприятия идей коммунизма, метапоэтика двух кодов, связанная с камуфлированием идей подлинного творчества с помощью идеологического кода.

Ключевые слова: метапоэтика, социалистический реализм, языковая относительность, идеологический дискурс.

Shtain Klara Ernovna, Petrenko Denis Ivanovich

TO A QUESTION OF THE METAPOETICS OF THE SOCIALISTIC REALISM

The article is devoted to studying of metapoetics of socialist realism – the difficult discourse connected with official ideology of the totalitarian state. There are several types of metapoetics are considered in the article: the metapoetics of rejection of communistic ideology and its full ignoring, metapoetics of acceptance of communistic ideology, metapoetics of romantic perception of ideas of communism, the metapoetics of two language codes connected with camouflaging of ideas of original creativity by means of ideological code.

Key words: metapoetics, socialistic realism, language relativity, ideological discourse.

Метапоэтика – это поэтика по данным метапоэтического текста, код автора, имплицитный или эксплицитный в текстах о художественных текстах [5, с. 17–35]. Художник всегда хочет оставить свои размышления о творчестве – собственном или собратьев по перу. Метапоэтика социалистического реализма складывалась в условиях несвободы слова, жестко внедряемой государством идеологии. Художники следовали принципу полного отталкивания и неприятия идеологии или ее последовательного проведения в творчестве, художник мог идти также на определенный

компромисс и пользоваться двумя языковыми кодами, один из которых служил для поддержки идеологии, а другой способствовал отстаиванию идей подлинного искусства. Можно условно выделить метапоэтику неприятия коммунистической идеологии и полного ее игнорирования в условиях несвободного общества (метапоэтики О. Э. Мандельштама, М. И. Цветаевой, А. А. Ахматовой, Б. Л. Пастернака и др., а далее А. А. Тарковского, А. С. Кушнера, Е. Б. Рейна, И. А. Бродского).

Можно выделить метапоэтику приятия коммунистической идеологии и перекодирования теоретических посылок на идеологические (метапоэтика позднего В. В. Маяковского, Д. Бедного, Н. М. Грибачева, С. В. Михалкова и др.). С данным типом метапоэтики связана и метапоэтика романтического восприятия идей коммунизма (метапоэтики И. П. Уткина, М. А. Светлова, поэтов, погибших в Великой Отечественной войне – Н. П. Майорова, М. В. Кульчицкого, П. Д. Когана и др.). Выделяется метапоэтика двух кодов, когда принятые идеологемы служили камуфляжем для отстаивания идей подлинного творчества (И. Г. Эренбург, О. Ф. Берггольц, А. П. Межиров и др.).

Показательным примером оперирования двумя кодами может служить выступление И. Г. Эренбурга на Первом Всесоюзном съезде советских писателей. Поэт пользуется языковыми формулами, которые делают его речь внешне соответствующей принятым идеологическим стандартам: «Наши иностранные гости сейчас совершают поездку в машине времени. Они видят страну будущего» [4, с. 517], «...наши трактористы – это модель новых людей, и на них с жадностью смотрит мир» [там же], «...мы, советские писатели, собрались здесь, чтобы прямо и смело говорить о наших победах» [там же], «...я – рядовой советский писатель. Это моя радость, моя гордость» [там же, с. 519], «Поглядите на буржуазное общество – молодой писатель там должен пробить стенку лбом. У нас он поставлен в прекрасные условия» [там же, с. 520], «...наше социалистическое общество помогает молодым талантливым писателям расти и развиваться» [там же, с. 521], «Вот мы этого теперь достигли... глубокой человечностью нашего социалистического общества» [там же, с. 527]. Во втором слое речи И. Г. Эренбурга – требования, которые поэт предъявляет к критикам и собратьям по перу и с помощью которых пытается отстаивать свободу творчества: «Нельзя допускать, чтобы литературный разбор произведения автора тотчас же влиял на его социальное положение. Вопрос о разделении житейских благ не должен находиться в зависимости от литературной критики. Нельзя, наконец, рассматривать неудачи и срывы художника как преступления, а удачу – как реабилитацию» [там же, с. 521], «Когда я слышу разговоры – почему Бабель пишет так мало, почему Олеша не написал в течение столько-то лет нового романа, почему нет новой книги Пастернака и т. д., – когда я слышу это, я чувствую, что не все у нас понимают сущность художественной работы. Есть писатели, которые видят медленно, есть другие, которые пишут медленно. Это не достоинство и не порок – это свойство, и нелепо трактовать таких писателей как лодырей или как художников, уже опустошенных» [там же, с. 522]. «Создание художественного произведения – дело индивидуальное, скажу точнее – интимное» [там же, с. 522].

С шестидесятых годов складывается постмодернистское направление в поэзии и метапоэтике, когда идеологемы уже выкристаллизовываются, концептуализируются в метапоэтическом и поэтическом текстах и становятся объектом критической, снижающей рефлексии. Идеологический дискурс в постмодернистской рефлексии аналитически деконструируется и становится частью конструирования нового постмодернистского критического дискурса.

Это деление, конечно, условно. В несвободном обществе поэт живет, развивается, меняется его мировоззрение, точки отсчета в творчестве, да и сам социофизический контекст, способ устройства в социуме влиял на метапоэтики. Например, так называемая «эстрадная поэзия», которой была не чужда склонность, скорее, к внешней идеологизации творчества (А. А. Вознесенский, Р. И. Рождественский, Е. А. Евтушенко), в противопоставлении «тихой» поэзии современников, чаще всего провинциальных поэтов (Н. И. Рубцов, А. Ф. Мосинцев, С. В. Викулов и др.) представляется уже более тесно связанной с идеологическим дискурсом. Мы обнаружили и такие метапоэтики, которые можно отнести к «идеологически вялым». Они вроде бы и ангажированны, и нет в них явно выраженного другого кода (теоретического), а формой письма они не несут явного запала идеологии (например, С. С. Наровчатов).

Иногда официально выраженным метапоэтикам в определенной степени противоречит сама поэзия, которая являет талантливые произведения (А. А. Прокофьев, Н. И. Рыленков, К. М. Симонов и др.).

Следует учитывать и жестко репрессивные функции государства, связанные с внедрением идеологии тоталитарного государства, особенно в период культа личности Сталина, когда жизнь «беспартийного» художника находилась под постоянной угрозой и многие поэты были не просто уничтожены, а показательно расстреляны (поэты-обэриуты, О. Э. Мандельштам, П. Н. Васильев, Б. П. Корнилов). Сейчас об этом много написано, ранее об этом в своих мемуарах писал И. Г. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» (1960–1965). Состояние поэтов, находившихся на учете НКВД (позднее КГБ), хорошо выразил О. Э. Мандельштам в стихотворении, написанном в декабре 1930 года:

Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок.

И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

В этом свете выступления поэтов на съездах, официальные заявления в духе коммунистической идеологии были своего рода получением индульгенции на сохранение жизни. Большая часть поэтов от этой индульгенции отказывалась. Метапоэтика в этом контексте приобретала социальные, политические функции.

Противопоставление авангарда, соцреализма и реализма – относительно, хотя все эти направления взаимодействовали в течение всего XX века. Концептуализм, постмодерн во многом продолжает традиции авангарда и антитрадиции соцреализма. Знаковая система реализма – это вторичная моделирующая система, которая хотя и является непрозрачной (в любом случае это воображаемая реальность), но не сдвинута кардинально относительно референта. Авангард как знаковую систему можно определить как такую систему, которая опосредована и по отношению к языку, и по отношению к действительности, хотя произведение часто строится так, что его интенции предельно направлены на воспроизведение какой-либо реалии, но по-настоящему «сдвиговый» заумный знак лишен предметного означаемого и связан со множеством означаемых и означающих по ассоциативному принципу. Вся нагрузка лежит на означающем – звуковом комплексе (это не обязательно слово). Само произведение как единый знак может быть направлено на референцию к миру, но его элементы дискретны и сами по себе, как правило, неререференциальны. Например, стихотворение А. Е. Крученых «Завод», «Телефон» В. В. Каменского, некоторые его «Железобетонные поэмы». В любом поэтическом тексте язык внутренне подвергается демонтажу, но в результате синтезируется на новом гармоническом основании, в авангарде же он представлен именно в состоянии демонтажа, разборки. Это отмечают и последователи авангарда – постмодернисты XX века. «Авангард – это взлом панциря, слом традиции, – отмечает В. Я. Строчков в работе «По ту сторону речи». – По самой своей сути авангард прежде всего деструктивен, аналитичен и ироничен. <...> А функция сборки в авангард не заложена» [2, с. 683].

Элементы стихотворного текста в авангардистском произведении множественно опосредованы по отношению к референту. Функцию синтезирования элементов демонтажа берет на себя метапоэтика постмодерна (по крайней мере некоторые поэты заявляют об этом): «Итак, постмодерн. В отличие от авангарда, ему присущ оптимистический созидательный, синтетический пафос по отношению к предмету искусства, что сближает его с традиционализмом. Но, в отличие от традиционализма, он находится не внутри, а вовне существующей традиции...» [там же, с. 684].

Что касается соцреализма, то это знаковая система языка, которая множественно опосредуется с помощью идеологических сдвигов. Произведение соцреализма – это комплексная система знаков, с одной стороны, предельно связанных с референциальной функцией языка (изображаемому было положено быть похожим на жизнь, копировать ее), с другой стороны, идеология, основанная на мифе о коммунизме, делала эту «похожесть» утопичной, идеализированной (в идеологическом же ключе), отрешенной от реальной действительности; значит, это искусство внутренне конфликтно.

Пророческая миссия поэта, которая выкристаллизовывалась в классической русской традиции, была замещена ролью «агитатора, горлана, главаря». До сих пор удивляет то, что идеологи коммунизма взяли на себя ответственность руководить мыслями, чувствами, словом поэтов: поэт исходно опережает общество, «схватывает» истину раньше других (это обосновано в философской рефлексии: В. фон Гумбольдт, А. А. Потебня, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер и др.).

Но идеологи хорошо понимали возможности языка, роль манипулятивной, апеллятивной функций. Речь идет о языковой относительности. Было ясно, что если эту машину (язык) привести в движение, оснастив очень жестким механизмом, одномерной идеологией, человек, хочет он того или не хочет, будет подвергаться ее воздействию. Все зависит от сознания и языка индивидуума, которые могут прийти в противоречие с языком тоталитарного общества или находиться в его плену. Так, творчество Б. Л. Пастернака, А. А. Ахматовой, О. Э. Мандельштама, Н. А. Заболоцкого и др. представляет конфликтующее с официальным языковое сознание.

Таким образом, в XX веке метапоэтика, в которой представлена борьба за отстаивание художниками взглядов, убеждений, присущих определенным «школам», направлениям искусства, трансформировалась в сложный дискурс, связанный так или иначе с официальной идеологией тоталитарного государства. И все развитие метапоэтики в XX веке (даже постмодерн, концептуализм) шло во взаимодействии с идеологическим дискурсом, который сам по себе проходил ряд транс-

формаций – от лозунгов, которые вели к действию, к лозунгам, которые замыкались на самих себе, не имели отношения к действительности, становились чем-то наподобие зауми.

В статье «Кризис искусства» (1918) Н. А. Бердяев, анализируя искусство авангарда, мечтает о свободном творчестве, видя его в творчестве теургическом, которое тем не менее будет «катастрофическим переходом к творчеству самого бытия, самой жизни» [1, с. 20].

После того как последние авангардистские объединения поэтов были уничтожены (последняя авангардистская группа – ОБЭРИУ), литература стала делиться (опять же идеологами социализма) на партийную и беспартийную. Но это уже к литературе как к искусству отношения не имеет. Следует, правда, заметить, что среди более чем пятидесяти частных метапоэтик XX века (преимущественно период после тридцатых годов) открытых идеологизированных метапоэтических заявлений не так уж много. Они представлены именами Д. Бедного, С. В. Михалкова, Н. М. Грибачева и некоторых других.

Язык наиболее ярко свидетельствует о полноценном или неполноценном отношении между говорящим и слушающим. П. А. Флоренский, с любопытством относясь к заумному языку, отмечал, что в нем «слово насилует непосредственно ощущаемое, и только развязанное до чистого звука оно достаточно гибко, чтобы быть звуко-речью глубин. Но тогда-то именно, с устранением логической формы, устраняется и самое суждение подлинности» [3, с. 183]. Автономная система идеологических знаков, претворяемых в жизнь, разрушила ее. Парадоксально, что, идя от «содержания» к форме в искусстве и в жизни, апологеты коммунизма не терпели никакого формализма: в новой культуре победившего пролетариата он оказался под запретом.

Кто-то из символистов в первые годы советской власти остроумно заметил, что материалисты съели материю, намекая не только на пустые прилавки, но и на громогласный язык идеологов. Жесткая языковая интенция догм обратилась «черным квадратом», или «формой смерти» – жизненный «реализм» идеологов коммунизма, литературы социалистического реализма, обернулся тем, что сама действительность потеряла статус реальности, превратилась в фантом, симулякр, особого рода текст, который нелегко причислить к произведениям искусства. Но ему всегда был противопоставлен текст-жизнь, который создавали в XX веке поэты, не вовлеченные в идеологические игры. А между этими текстами – множество полутонов и оттенков. Все это многообразие типов текстов представлено в частных метапоэтиках художников XX века (Д. Бедный, В. В. Маяковский, А. А. Жаров, И. П. Уткин, П. Г. Антокольский, Б. Л. Пастернак, В. А. Рождественский, Д. Л. Андреев, М. А. Светлов и др.). Метапоэтики художников XX века отображают драматизм эпохи, драматизм судеб писателей и поэтов.

В метапоэтике XX века находят выражение общие проблемы литературы, теории поэзии, взаимоотношение поэзии и власти, а также интереснейшие частные вопросы, которые возникают в связи с развитием литературы и метапоэтического дискурса в XX веке: утилитаризм и антиутилитаризм, проблема эстетически значимого в художественном тексте, взаимоотношение «эстрадной» и «тихой» поэзии, проблема «физиков и лириков». По-настоящему возрастает значимость исследования поэтами собственного творчества, упоминание в поэзии о литературных событиях, писателях-современниках, оценка их творчества, полемики о поэзии и поэтике. Если символисты «отрабатывали» метапоэтический дискурс в рамках «школы», «понимающих», то метапоэтика XX века с подачи авангардистов стала «открыта всем ветрам». Она стала дискурсом в полном смысле этого слова, потому что приобрела диалогический характер, и в отличие от идеологического дискурса социалистической государственности, который был монологичен по своей сути, она была реализацией полилога внутри тоталитарного государства. Трагические судьбы многих поэтов – следствие желания властей остановить говорение, речь, инакомыслие или перевести их насильственно в план идеологического дискурса – монолога, который становился «утопией языка», отрешенной от жизни человека.

Литература

1. Бердяев Н. А. Кризис искусства. М.: СП Интерпринт, 1990.
2. Строчков В. Я. По ту сторону речи // Три века русской метапоэтики. Антология: в 4 т. / под ред. д-ра филол. наук К. Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. Т. 4. Реализм. Соцреализм. Постмодернизм. С. 681–691.
3. Флоренский П. А. У водоразделов мысли // Избранные произведения. М.: Правда, 1990. Т. 2.
4. Эренбург И. Г. Речь на Первом Всесоюзном съезде советских писателей // Эренбург И. Г. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Художественная литература, 1965. С. 517–527.
5. Штайн К. Э., Петренко Д. И. Русская метапоэтика: учебный словарь. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006.